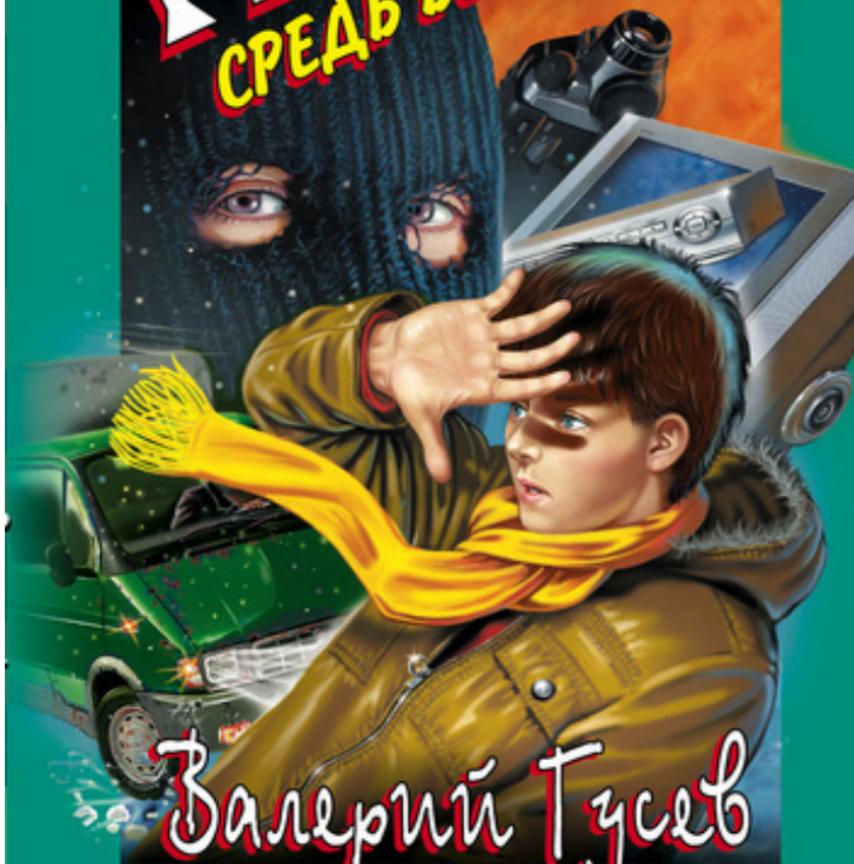

ГРАБЕЖ

СРЕДЬ БЕЛА ДНЯ

Валерий Тусев

ЭКСМО

Валерий Борисович Гусев
Грабеж среди бела дня
Серия «Дети Шерлока
Холмса», книга 14

*Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163311*

Аннотация

Как растревоженный улей, гудит вся школа, в которой учатся братья Дима и Алешка. Никогда здесь не случалось подобного ЧП: шутка ли, среди бела дня исчезли – словно испарились! – классные журналы. Директор убежден, что их похитили двоечники, но проходит совсем немного времени, и журналы объявляются таким же неведомым образом, как и пропали, – и без единой исправленной оценки. А тут еще новая напасть: одно за другим следуют ограбления квартир учеников. В общем, впору лишь руками развести... но только не многоопытным братьям-сыщикам! «А не связаны ли эти, казалось бы, совершенно разные события?» – задаются вопросом ребята и сразу же смекают, что к чему...

Содержание

Глава I	4
Глава II	9
Глава III	18
Глава IV	25
Глава V	33
Глава VI	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Валерий Гусев

Грабеж среди бела дня

Глава I

ВЕДЬМИН УГОЛ

Когда-то наш микрорайон был дальней городской окраиной. Здесь, по берегу речки Самородинки, стояли две деревни. А вокруг них росли буйные леса, в которых бродили дикие звери, гнездились птицы и водились лешие.

Деревушки исчезли, поглощенные городом. В память о них остались лишь названия улиц – Лесная и Белых Голубей. Речка высохла до дна, и ее русло превратилось в глубокий овраг, заросший густым кустарником, на ветки которого обрушивались по вечерам стаи горластых ворон после дневных налетов на городские помойки.

Лешие... Ну, лешие, наверное, перебрались в какие-нибудь более спокойные края. Но кое-что от бывлой нечистой силы сохранилось. Например, дальний край оврага, где кончается асфальт и не светят уличные фонари, до сих пор почему-то называется Ведьмин угол. И не зря, поверьте мне. Впрочем, об этом речь впереди...

Но в целом наш родной микрорайон довольно уютный.

Компактный, как говорит мама. В нем есть все для нормальной жизни граждан. Станция метро, несколько школ и детских садов, две поликлиники – простая и зубная. Универсам с такими ценами, что в нем никто ничего не покупает, а все ходят только на цены посмотреть. Есть у нас и бассейн с водой, игротека с призами, кинотеатр с боевиками, отделение милиции – все рядом, все под рукой, далеко бегать не надо.

У нас даже колдуны свои имеются. Свили гнездо в старом двухэтажном доме на самом краю оврага. Там, где кончается асфальт и не светят уличные фонари. В том самом Ведьмином углу.

Мы с Алешкой (да и не только мы – все нормальные люди) это гнездо на всякий случай обходили стороной – кто знает, что им, колдунам, вдруг взбредет в голову?

Вообще-то колдунами и магами они сами себя называют, а на самом деле это такой Центр нетрадиционной медицины. Традиционного шарлатанства, как говорит наш участковый Василий Иванович. Там всякие экстрасенсы и целители людям головы морочат.

Недалеко от этого Центра на самом видном месте стоит высоченный рекламный щит. И на этом щите все колдуны и маги с чародеями и ведьмами хвалятся своими услугами.

«Международный Магистр Высшей магии госпожа Дурина. Выполняю все желания! 1000% гарантии!! Недорого!!!»

Мы с Алешкой от этой тысячи процентов всякий раз балдеем. Все пытаемся понять – как это у нее получается? Ну

вот, к примеру, закажу я этой госпоже «за недорого» пятерку в четверти по физике. И что у нее получится? Пятьдесят пятерок? Куда мне столько, мне и одной хватит.

Алешка в наших спорах насчет колдунов еще дальше шел, никак остановиться не мог.

– Дим! А если я у нее попрошу богатство, тыщу баксов? Значит, она мне десять тыщ обеспечит, так, что ли?

– Правильно сосчитал, молодец. На уроках бы так считал. Но Лешка эти намеки хладнокровно пропускал мимо ушей, не отвлекался от основной темы.

– Дим! А если она такая волшебница, эта госпожа из высшей магии, то почему она сама себе тыщу баксов не нагадает? Или сразу миллион? Ведь недорого...

Конечно, недорого. Себе можно и бесплатно наколдовать. Одна реклама, самая длинная, тоже вызывала наши споры и догадки.

«Главный Магистр Ложи Хранителей Древних Знаний магов-колдунов, Апостол и Епископ черной магии Лысов Захарий Романыч лечит от облысения. За один сеанс».

Мы этого главного апостола из древней ложи видели прошлым летом – у него у самого лысина во всю магическую голову. Блестит как медный чайник. Ну зарастил бы ее кудрями за один сеанс. Стал бы лохматым и курчавым, как наш учитель литературы по прозвищу Бонифаций...

В общем, на этом щите было много интересного и даже загадочного.

Вот какая-то тетя Клава, Верховная жрица Черной и Белой магии, Сильнейшая ведьма России и Европы, обещала «неотвратимое магическое влияние». А дальше, помельче, было написано: «Курен. Алког. Гад.».

Ну, Гад – это еще кое-как понятно. А кто такие Курен с Алкогом?

Алешка с пятого раза догадался, что это не имена, а «курение и алкоголизм». Тогда и Гад прояснился – тот, кто причает к этим вредным привычкам доверчивых граждан.

Но самый большой интерес у нас вызывал нижний правый угол этого щита. Там была нарисована летучая мышь с распахнутыми крыльями, а под ней написано: «Черный летучий маг Жучков. Чародей мировой гильдии. Гипнозом лечу все! Кодирую на счастье и удачу! Не проходите мимо!»

Мы и не проходили. Потому что хорошо знали этого черного Жучкова; его сын Толян учился в нашей школе. Противный, вообще-то, пацан. Хитрый и завистливый, его не любили. А его отца у нас в микрорайоне даже побаивались. Он был известной личностью. Одно время руководил группой лохотронщиков. Ну, знаете, которые подкарауливают у метро доверчивых пожилых граждан и под видом всяких лотерей выманывают у них последние деньги. А если кто-нибудь сопротивлялся, то Жучков-старший напускал на них «группу поддержки» – это такие злобные шкафы, с которыми никто не решался связываться. Особенно с каким-то мрачным Стасом – он был в два метра высотой и в два метра шириной.

При маленькой тупой головке, в лыжной шапочке в любое время года.

Потом этих лохотронщиков милиция разогнала, и Жучков переквалифицировался в колдуны. Перебрался в дом на овраге и стал колдовать. А Стас работал у него охранником. Здесь Жучков тоже прогорел. И передал свое дело другому колдуну, настоящему гипнотизеру. А сам занялся мелкой торговлей «чудодейственными» медицинскими препаратами. Ходил с ними по всяким учреждениям и всех уговаривал их купить (лекарства, конечно, а не учреждения). Он даже к нам в школу приходил. А на рекламном щите, в правом нижнем углу, вместо фамилии Жучкова появилась рядом с летучей мышью другая – Даниил Орлянский. Тоже великий и ужасный.

Скоро вы поймете, почему я так подробно рассказываю о доме в Ведьмином углу и его обитателях. Те опасные события, в которые мы с Алешкой «вовлеклись» по своему легкомыслию и ради торжества справедливости, сосредоточились в основном вокруг этого загадочного и жутковатого дома...

Глава II

«КТО ЭТО СДЕЛАЛ?»

Сейчас, когда все трудности и опасности остались в прошлом, я часто думаю о том, как иногда за пустяшным событием может скрываться что-нибудь очень серьезное. Например, ряд хорошо продуманных и организованных преступлений. Когда я поделился этими мыслями с папой, он сказал, что я не сделал открытия. Подобные факты, добавил он, известны еще со времен Шерлока Холмса. А папе в этом можно верить: ведь, несмотря на то что он вполне современный полковник милиции, у него в служебном кабинете, прямо над навороченным компьютером, висит на стене портрет знаменитого английского сыщика.

Кстати, именно Шерлок Холмс со своим дедуктивным методом и помог нам с Алешкой разобраться в этом запутанном и опасном деле.

А началось оно довольно невинно...

...Незадолго до конца учебного полугодия вся наша школа азартно готовилась к новогоднему маскараду под названием «Сказка наяву». Это мероприятие, как всегда, придумал наш лохматый преподаватель литературы Бонифаций. Мы его так прозвали, потому что он похож на льва из старого

мультика «Каникулы Бонифация». Он все время придумывает что-нибудь интересное. Ну и полезное одновременно. Чтобы мы – учащиеся – во всяких играх и развлечениях еще «лучше осваивали пройденный учебный материал».

Вот и в этот раз он предложил, чтобы вся школа (в том числе и педагоги) нарядилась всякими сказочными литературными персонажами. И чтобы в этих самодельных костюмах разыгрывались сценки из всяких известных детских книг. Бонифаций объявил, что костюмы и выступления будут оценивать высокое жюри из педсостава и родительского актива – вроде такой конкурс на лучшее исполнение сказки. А победители в этом конкурсе поедут на зимние каникулы в славный город Петербург и посетят там все музеи, исторические и памятные места.

Понятно, что все учебные дела были позабыты и позаброшены. Тем более что оценки за полугодие нам уже выставили, и мы пожинали плоды своих трудов и безделья.

– Дим, – сказал мне на большой перемене Алешка, – опять нам ружья не будет...

Папа уже давным-давно пообещал нам в подарок прекрасное многозарядное духовое ружье. Правда, при двух условиях: если мы оба хотя бы в одной четверти добьемся успешной учебы и терпимого (с точки зрения учителей) поведения. Нам это никак не удавалось. То один, то другой из нас какое-нибудь условие да не выдерживал. И вот опять...

– И много двоек? – спросил я Алешку с надеждой, что

можно будет в оставшиеся дни до Нового года что-нибудь исправить.

– Не очень, – сказал он. – Около шести.

Ни фиги себе! «Не очень». Отличился ребенок!

– А я не виноват! – ответил Алешка на мой укоряющий взор. – Я с Любашей случайно поссорился и случайно ей нагрубил.

Любаша – это Любовь Сергеевна, учительница в Лешкином классе. Любашей, исподтишка и снисходительно, ее называет вся школа – и взрослые, и дети. Она вся такая маленькая и молоденькая, что больше похожа на школьницу, чем на учительницу. И поэтому, чтобы выглядеть посолиднее, носит строгие очки (с простыми стеклами, ребята это выяснили уже первого сентября) и туфли на высоченных каблуках. И туфли, и очки ей все-таки великоваты. Поэтому Любаша, когда сердится на своих учеников, частенько их теряет. Я имею в виду очки и туфли, а не учеников. Иногда сидишь на уроке и слышишь, как суматошный дробный стук каблук в коридоре вдруг резко сменяется шлепками босых ног. Значит, в Лешкином классе опять ЧП! Опять Любаша рассердилась, жаловаться директору побежала. Роняя по дороге великоватые туфли.

А сердится она часто. Ей все время кажется, что ребята плохо ее слушают и слушаются из-за ее мелковатости и молодости. Она преподает первый год и зарабатывает педагогический авторитет тем, что все время спорит со своими уче-

никами, как девчонка...

– Случайно поспорился, – я сел на стол и строго поступал по нему пальцем. – Случайно нагрубил... Выкладывайте, Алексей Сергеич, ваши «случайности».

Алешка попробовал увильнуть, но под моим нажимом «раскололся».

На прошлой неделе Любовь Сергеевна после уроков стала расспрашивать свой класс – кто какой костюм приготовил себе к новогоднему конкурсу? Никто ничего еще не придумал, и поэтому она предложила:

– Я буду Белоснежка, а лучшие ученики – семь гномов. Здорово?

– А остальные? – обиделся Санек, один из худших учеников.

– Тридцать три богатыря, – съехидничал Алешка. – Мелковатые, правда.

– Раз ты такой умный, – обиделась Любаша, – то у тебя костюм уже, конечно, готов.

Алешка сказал, что давно готов и что он придет на праздник в мамином фартуке.

– Это что ж за персонаж такой? – удивилась Любовь Сергеевна. – Фрекен Бок, что ли?

– Кенгуру, – ответил Алешка. – У этого фартука карман прямо на животе.

– Что-то не припомню такого литературного героя, – пожала плечами учительница. – Кенгуру... Вот еще выдумал!

И тут Алешка нахально ляпнул:

– Вы плохо знаете английскую классику!

– Не думаю, что хуже тебя, – еще больше обиделась Любовь Сергеевна.

Алешка – нет, чтобы извиниться, – напомнил ей «Винни-Пуха». Про Кенгу и Крошку Ру.

– И вот она стала меня после этого преследовать, – пожаловался он в конце своего драматического рассказа. – За диктант сразу пару влепила. Ни за что...

– Покажи диктант, – потребовал я.

– Потом, – сказал Алешка.

– Сейчас, – потребовал я.

Алешка посопел, попыхтел, покопался в своей сумке. Выложил на стол учебники, две куклешки из «Киндер-сюрприза», плеер, горсть старых батареек, книгу про Шерлока Холмса, пустой корпус гранаты «лимонки» с ненастоящим запалом.

Эта граната была не опаснее булыжника. Алешка выпросил ее у папиного двоюродного брата. Дядя Боря служил офицером и преподавал в военном училище. У него этих учебных гранат – целый ящик. Хорошо еще, что Алешка не выпросил у него пулемет. Представляю, что стало бы с Любашей, если бы он притащил его на уроки.

– Зачем ты ее в школу таскаешь?

– На всякий случай, – лаконично пояснил Алешка, продолжая копаться в сумке. – Кругом враги.

– Директор увидит – отберет.

– Не отберет, – возразил мой братец и логично обосновал:

– Он подполковник, а дядя Боря полковник.

Наконец на свет появилась мятая до отвращения тетрадь.

Первая же фраза диктанта все прояснила. «Мы сабериали яблыки в заду».

– В каком заду?! – заорал я.

– В колхозном, наверное, – спокойно ответил Алешка.

Действительно, ни за что пара. По две ошибки в каждом слове.

Тут прозвенел звонок, и мы расстались, недовольные друг другом. Плакало опять ружьишко. «Яблыки в заду»...

А в понедельник по школьной радиотрансляции грозно прозвучал голос нашего директора:

– Всем учащимся немедленно собраться в актовом зале.

Мы собрались. Расселись по своим классам. И особенно не волновались. Немного интересно было – и все.

Но тут на сцене затрепетал занавес и шагнул из-за него вперед наш директор. Он строго окинул всех нас пытливым взглядом и рявкнул:

– Встать! Кто это сделал – шаг вперед!

Наш директор был когда-то офицером и до сих пор не бросил свои армейские замашки. Когда мы особенно его доставали, он грозно топорщил усы, вытягивался в струнку, руки по швам и объявлял:

– Я полком командовал! А уж с вами одной левой справлюсь.

Мы встали, но никто шагать не стал. Во-первых, потому что некуда было шагать, не по стульям же, а во-вторых – мы столько всего наделали, что не догадывались, чем именно вызвали гнев начальства.

Назрела страшная тишина. И в этой тишине особенно грозно прозвучали слова директора:

– Кто похитил из учительской классные журналы? Два шага вперед! Если через пять минут журналы не вернутся, я вызову милицию. И предупреждаю: виновный будет строго наказан. А юных двоечников и юных хулиганов это все равно не спасет: все наши педагоги отлично помнят все ваши оценки. – И он почему-то при этих словах посмотрел на Алешку. Алешка покраснел. Но не от стыда. Скорее – от злости. – Разойдись!

Мы разошлись... Журналы не вернулись... Милицию директор не вызвал – не захотел «пятнать позором мундир нашей славной школы». Но предупредил, что увольнительных... то есть новогоднего карнавала не будет до тех пор, пока не появятся журналы и не объявится их похититель. Хоть до Восьмого марта...

Алешку я отловил в спортзале. Он там пытался исправить двойку хотя бы по физкультуре и висел, болтая ногами, на шведской стенке.

– Здорово, да? – спросил он меня. – Вот повезло.

– Куда ты их дел? – не стал я деликатничать.

– Ты что, Дим! – взвыл Алешка. – Я, по-твоему, совсем дурак, да?

Я не успел ответить, потому что в зал заглянула Любовь Сергеевна и грустно сообщила, что Алешку вызывает директор.

Из кабинета директора он вылетел злющий, как маленькая оса.

– Ну я ему!.. – пыхтел он. – Ну!.. Рога пообломаю!.. Ухи пообрываю!..

– Кому? – спросил я с надеждой. – Директору?

– Похитителю! Я его найду! У меня хоть одна тройка была – по поведению. Теперь и ее нету! Из-за этого гада!

Я понял, что нужно выручать братца. Одному ему с этими рогами и ушами не справиться.

А немного позже я понял, что кража журналов из учительской – это не рога и уши, а гораздо серьезнее: первое звено в цепи подготовки неизвестными лицами целого ряда преступлений. И когда я это понял – отступать уже было поздно...

А в тот вечер мы с Алешкой обсудили наши проблемы и решили разобраться с этой кражей классическим путем. Нужно установить: кому это выгодно? Папа всегда так говорит, когда начинается расследование нового дела.

Вот тут-то и появилась первая нестыковка. Похищены бы-

ли три журнала: Алешкиного класса, моего и шестого «А». Но если два журнала имело какой-то смысл утащить – по количеству в них двоек, то в шестом «А» оценки у всех ребят были вполне приличные. Этот класс недавно сформировали из какого-то расформированного частного лицея. В нем учились примерные детки престижных родителей. В этом классе и четверки-то были редкостью.

– Для отвода глаз сперли, – предположил Алешка. – Чтобы никто сразу не догадался.

В нашем классе никто не вызвал моего подозрения. Я хорошо знал своих одноклассников. Это были серьезные и умные личности. И никто из них на такую глупость не решился бы. Даже временно неуспевающие.

А вот у Лешки полкласса с удовольствием сперли бы журнал. Хотя бы назло директору. И чтобы подразнить Любашу.

Поразмыслив таким образом, мы с горечью убедились, что классический путь (кому выгодно) – не для нас, слишком он сложный и длительный. Потому что спереть журналы было выгодно очень многим ученикам.

Тогда мы решили пойти своим путем: выяснить, кто бы мог это сделать.

Поразмыслив и таким образом, мы с еще большей горечью убедились, что утащить журналы мог любой из нас. У каждого могли найтись для этого свои тайные причины. И свои возможности...

Глава III

ПОДОЗРЕНИЯ

Вообще-то в школе нам жилось неплохо. У нас сложился, как говорит Бонифаций, здоровый социально-психологический климат. И, честно говоря, подозревать кого-то, выискивать среди добрых и честных людей недоброго и нечестного было не очень приятно. Даже немного противно. Все равно что за кем-то подглядывать. Но Лешка легко развеял мои сомнения и устранил душевные терзания. Он это умеет: из сложного делать простое, из непонятого – ясное и четкое. Он сказал:

– Дим, зачем нам думать плохо обо всех? Нужно узнать, кто украл журналы, и тогда мы будем думать плохо только о нем. А об остальных опять будем думать хорошо.

Да, Алешка живет в каком-то своем мире. Более чистом и честном, чем окружающая действительность. У него все просто и понятно, черное и белое. Белого побольше, а черного совсем чуть-чуть.

И потому он с азартом принялся «вычислять» того нечестного человека, который заставлял подозревать в нечестности весь наш дружный коллектив педагогов и учащихся.

Этот коллектив возглавлял директор. Раньше он командовал 107-м гвардейским стрелковым полком и при всяком

удобном случае говорил зычным командирским голосом:

– Это глубоко символично, что наша школа носит тот же порядковый номер. Я из нее сделаю образцовое подразделение.

– Строем будем ходить? – обязательно спрашивал при этом кто-нибудь из дружного коллектива.

– Не обязательно строим, – отвечал бывший командир полка. – Но, во всяком случае, куда надо! И в ногу!

Под его командованием школа действительно шла куда надо – к знаниям, успеваемости, дисциплине. Правда, и в этом строю были отдельные личности, которые шли не в ногу: несколько младших классов, два средних и почти все старшие.

Но и среди педагогического состава и технического персонала были личности, которые не совсем соответствовали социально-психологическому климату коллектива. Например, Пан Спортсмен – преподаватель физкультуры в старших классах. Здоровенный такой детина и откровенный бездельник. Он ходил по школе в спортивных штанах с лампасами и с секундомером на пузе. А все наше спортивное обучение сводил к бегу на длинные дистанции – круг за кругом по школьному стадиону.

– Засаекаю время! – кричал Пан Спортсмен и поднимал над головой секундомер. – На старт! Внимание! Пошел! – и уходил в буфет пить кофе «Пеле».

Мы не спеша делали круг-другой и до конца урока раз-

бредались по своим делам. А перед самым звонком возвращались и делали вид, что, падая от усталости, завершаем последний круг.

– Молодцы! – Пан Спортсмен щелкал кнопкой секундомера. – Сорок кэмэ пробежали. Марафонскую дистанцию. Я из вас Пеле сделаю.

Последняя фраза звучала, как угроза, потому что в нашей школе с гуманитарно-литературным уклоном мало кто знал футболиста Пеле, а кофе «Пеле» все знали.

Этот кофе закупил для школы по дешевке наш охранник по прозвищу Фига. Он совмещал с охраной обязанности завхоза и все время старался делать для школы закупки всяких нужных вещей через своих знакомых, по низкой стоимости. И соответствующего качества. Вот когда настала пора менять в здании отопление, он закупил такие новые и блестящие трубы, что их прорвало при первой же пробной топке. Так же и с кофе. Он был такой просроченный и невкусный, что его пили только Пан Спортсмен и Фига. Пан Спортсмен – от скуки, Фига – из принципа и для примера.

Вообще он очень вредный был. И не столько нас охранял в школе, сколько школу от нас. Любимое его занятие – не впускать опоздавших на уроки. Даже если примчался через секунду после звонка, уже упрешься лбом в запертую дверь. И уж тут звони, стучи, кричи – ни за что не откроет. А лишь, усмехаясь, показывает через стекло большую злорадную фигу.

Исключение он делал в таких случаях только для Толяна Жучкова и еще троих деток из шестого «А»: для своего собственного сыночка, для доченьки Пана Спортсмена и какого-то незаметного паренька – Витьки Орликова...

На этом месте наши рассуждения прервались самым естественным путем. До нас дошло, что, во-первых, мы так и сяк прикидываем возможные кандидатуры на роль похитителя журналов, исходя не из железной логики и здравого смысла, а из своих необъективных антипатий. Да, мы выбрали самых несимпатичных нам людей. Но это вовсе не значит, что они самые нечестные.

А во-вторых, наконец-то дошло до нас: зачем кому-нибудь из учителей красть журналы? На этот вопрос ответа не было. (Честно говоря, он был. Но, надо признать, мы нашли его далеко не сразу).

Впрочем, эти размышления натолкнули нас на одну зацепку. Ведь совершить «этот акт беззакония» можно было только тогда, когда учительская была пуста.

В последние дни такое случилось дважды. Когда опять прорвало новые, только что установленные трубы отопления и когда в школу проник отец Толяна Жучкова.

Путем «оперативной разработки и привлечения агентуры», то есть настойчивыми расспросами (даже среди педагогического состава и технического персонала), мы получили первые результаты. В поле нашего зрения попали трое подозреваемых: Толян Жучков, Корзинкина и конопатый Плот-

ников.

Корзинкина была довольно симпатичной, но хитрой и любопытной личностью. Ее любопытство не было безобидным. Она вынюхивала всякие секреты для того, чтобы извлечь для себя пользу путем примитивного шантажа.

– Козлов, – приставала она, – твои родители знают, что ты разбил две лампы в спортзале?

– Нет еще, – пугался Козлов.

– Могут узнать, – ехидно намекала Корзинкина. И открытым текстом требовала мзду за молчание.

Ее не любили и побаивались.

А конопатый Плотников был обыкновенный хулиган. Он хулиганил из любви к искусству. Не для выгоды, а для удовольствия.

И вот что нам удалось установить. Когда в учительской прорвало трубы и ее, к нашей радости, залило горячей водой... Когда из ее окон повалил белый густой пар... Когда в кабинет химии хлынули потоки кипятка... Когда учителя эвакуировались в коридор и выливали там воду из своих портфелей, сумок и обуви, в непосредственной близости от места происшествия были замечены шантажистка Корзинкина и конопатый хулиган Плотников. Они вроде как бы помогали выносить из заливаемого помещения ценные вещи: облысевшее чучело белки, пустой аквариум с треснувшим стеклом, дырявый глобус. И вполне в этой суматохе кто-то из них мог сцапать журналы. Правда, Андрюха Плотников

скорее сам бы устроил наводнение, чем стал бы ликвидировать его последствия, а любопытная Корзинкина вполне удовлетворилась бы простым просмотром журналов. Но мы этих «кандидатов» все-таки взяли на заметку для дальнейшей «разработки» как подозреваемых и не имеющих алиби.

А второй удобный случай был, когда в школу пришел отец Толяна Жучкова и стал рекламировать для преподавателей какое-то свое новое лекарство от всех болезней.

– Имейте в виду, – говорил он, – в аптеке оно стоит огромные деньги, а у нас прямые поставки. Всего ничего заплатите – и будете здоровы всю жизнь.

В конце концов наши педагоги похватили свои кошельки и помчались в вестибюль покупать волшебное лекарство от всех болезней.

Именно в этот момент учительская полностью опустела. И именно в этот момент возле ее дверей был замечен Толян Жучков, по кличке Жучок или Жучка. Его тоже у нас не любили. В основном из-за того, что он был очень завистлив. И это чувство у него переходило все разумные границы. «Слышал, – говорил Жучков завистливо, прищуривая и без того узкие глазки, – Генка руку сломал? Вот повезло дураку. Теперь целый месяц контрольные писать не будет и на физкультуру ходить».

Алешка с его обманчивой наивностью и простодушием стал не теряя времени входить в доверие к Жучкову, подружился с Корзинкиной и начал довольно успешно хулиганить

с конопатым Плотниковым. Но результат эти действия (кроме неприятностей) дали не сразу.

Но дали! В один прекрасный вечер в нашей квартире зазвонил телефон. Я взял трубку. Незнакомый мужской голос зло прошипел мне в ухо:

– Не лезьте не в свое дело! Иначе ваши родители очень вас пожалеют! Ты понял? Ну раз понял – положи трубку! – И застучали мне в ухо тревожные частые гудки.

Они подтвердили, что мы находимся на верном пути. А точнее – в его начале. И уже успели кому-то наступить на хвост. Но мы не подумали о том, что, если змее наступаешь на хвост, она поднимает голову.

А на следующий день журналы нашлись...

Глава IV

ЕЩЕ ОДНО СОБЫТИЕ...

Журналы нашлись на втором этаже, в «мальчишковом» туалете. Они лежали стопочкой на подоконнике. Нашла их наша уборщица тетя Фрося и торжественно бухнула на директорский стол.

– Что это? – бывший подполковник отпрянул от них, будто это были не журналы с оценками, а змеи с ядовитыми зубами.

Директор встал, выглянул почему-то за дверь, вернулся к столу, с опаской потрогал журналы и непонятно спросил:

– Где... это?

Но тетя Фрося его поняла.

– На втором этаже, Семен Петрович, – пояснила она. – У пацанов в сортире.

Тетя Фрося была простая женщина и в выражениях не стеснялась даже при директоре. Не говоря уже о нас.

Директор поморщился и сделал ей замечание, на что тетя Фрося ответила:

– Это в Большом театре типичный туалет, а у нас в школе – типичный сортир!

Директор не стал спорить, полистал журналы, пытаюсь разглядеть – много ли двоек переправлено на пятерки?

Вздыхнул и созвал педсовет.

Мы тут же приняли свои меры, чтобы быть в курсе событий.

Это было просто. Прямо над учительской находилась кладовка, примыкающая к спортзалу. И когда в школе меняли батареи отопления, то в полу осталась небольшая дырка. В учительской она пряталась под самым потолком, за дырявым глобусом, который уже много лет стоял на шкафу, а в кладовке мы эту дырку, когда ею не пользовались, предусмотрительно затыкали куском поролона из старого мата.

Знали об этой дырке немногие. Мы с Алешкой и его одноклассники – Санек и Кучкина.

Забравшись в кладовку, мы подперли дверь изнутри старым «козлом», из которого торчали всякие лохмотья, и, улегшись на пол, выдернули затычку.

То, что мы услышали, озадачило нас не меньше, чем наших любимых педагогов. Все учителя и классные руководители единодушно подтвердили, что ни одна оценка ни в одном журнале ни у одного двоечника не исправлена. Директор выслушал своих подчиненных и со вздохом спросил:

– И зачем же тогда они их сперли?

Никто ему не ответил, потому что никто этого не знал. Только все, наверное, в недоумении пожали плечами, а преподаватель литературы, кудрявый Бонифаций, уж как водится, поморщился от грубого слова «сперли». И подумал про себя: «Выражаетесь вы, подполковник, как уборщица. Хотя

и любите делать замечания».

Мы заткнули дырку и выбрались на волю. Загадка осталась, а жизнь опять пошла своим чередом. Пятно на мундире школы исчезло, так и не появившись, подготовка к новому балу-маскараду снова набрала свою силу.

Алешка где-то разузнал, что недалеко от нашей школы открылся пункт проката всяких маскарадных костюмов. И уговорил меня сходить туда. Может, мы выберем себе что-нибудь подходящее, если уж мамин фартук Любаше не нравится.

– Кучкину надо позвать, – сказал Алешка.

И я с ним согласился – Кучкина жила со своей старенькой бабушкой, и, уж конечно, та не смогла бы ей помочь с маскарадным костюмом.

У Кучкиной было непривычное, какое-то серьезное, даже немного торжественное имя: Алевтина. Но во дворе и в школе ее звали просто Лёвкой.

Надо сказать, что долгое время, лет десять, Лёвка была нормальной девчонкой – веселой, ловкой, прыгучей, общительной. Она даже по деревьям лазила, как обезьянка. А потом ее словно подменили.

Это случилось, когда ее родители уехали работать за границу и Лёвка стала жить под присмотром бабушки из Тамбова. Или из Орла. А может, из Курска.

В первый же вечер бабушка уселась на скамейку возле

подъезда рядышком с нашими пенсионерами и влилась в их коллектив, критикуя Лёвкиных родителей.

– Ить надо, до чего деуку довели, – говорила она своим певучим курским (или орловским) говорком. – Тоща как спица. И не исть ничего, акромья тампаксов...

– Сникерсов, – дружелюбно поправляли ее более компетентные столичные старушки, которые тоже очень любили покритиковать все окружающее.

– Я про то и говорю, – продолжала бабушка из Тамбова. – Надо выручать деуку. На ноги ее становить.

Пенсионерки согласно кивали и давали полезные советы: как «выручать и становить».

И бабушка взялась за Лёвкино здоровье. Начала ее откармливать калорийными народными блюдами и водить ее по всем врачам. Вплоть до народных целителей, колдунов и магов.

И, как ни странно, Лёвке это понравилось. Это наполнило ее жизнь глубоким содержанием. Она с удовольствием посещала врачей и целителей, поглощала все, что готовила ей бабушка. И стала спокойной и неторопливой. Рассудительной и ленивой. И если раньше была как спица, то теперь стала как колобок.

Спустившись во двор, мы стали под Лёвкиными окнами. Алешка свистнул, как Соловей-разбойник, и заорал, как утренний петух:

– Лёвка!

Сейчас же какой-то мужчина отворил форточку и спросил:

– Чего тебе?

– Это я не вас, – объяснил Алешка.

– Так бы и сказал, – мужчина по имени Лёва захлопнул окно.

И тут высунулась круглая мордашка нашей Лёвки.

– «Деука»! – крикнул ей Алешка. – Пошли за костюмами!

Недорого.

– Не! – ответила Лёвка и радостно сообщила: – Я лучше к зубному пойду.

– Как хочешь, – и мы направились к арке.

– Возьмите мне, – крикнула нам вслед Лёвка, – костюм доктора Айболита, ладно?

– Ладно, – буркнул под нос Алешка. – Мы тебе костюм зубного врача выберем, пострашнее. С клещами.

Костюмы мы выбирали долго. Тем более что выбирать было нечего. Они висели на стене и, казалось, сами себя стыдились.

Алешка сначала положил глаз на костюм Мушкетера. Правда, он был какой-то замызганный: мятая женская шляпа с разноцветной тряпкой вместо пера, какие-то сатиновые шаровары и резиновые охотничьи сапоги. Но Алешку привлекла в этом костюме шпага.

– Тебе не подойдет, – сказала выдавальщица. – Это для старшеклассников. А шпага все равно из ножен не вынимается: бутафория. Возьми лучше костюм Зайчика.

Костюм Зайчика состоял из когда-то белой шапочки, к которой были пришиты две сосиски – ушки, наверное.

Выдавальщица надела эту шапочку себе на голову, и мы не расхохотались только из вежливости. Но она что-то почувствовала и с обидой сказала:

– А к нему еще и хвостик прилагается. Очень миленький, из черно-бурой лисы. Его надо сзади к штанам булавкой пришить.

В Алешкиных глазах я прочел: «Вы бы, тетенька, себе его пришили». Хорошо, что вслух не сказал.

И костюм Айболита для Лёвки нам тоже не глянулся. Он был очень похож на костюм Зайчика. Такая же грязная дурацкая шапочка, только без сосисок, а с синим крестиком, и почти белый халат. Но похожий не на докторский, а на халат слесаря-водопроводчика. В каких-то ржавых и черных пятнах.

– Ладно, – махнул рукой Алешка. – Попрыгаю на бал в мамином фартуке. Буду тетей Кенгой из «Винни-Пуха». Налюбуемся.

А я в ответ поскреб в затылке.

– А ты, – подсказал Алешка, видя мое затруднение, – нарядишься Шерлоком Холмсом. Бейсболка у тебя есть, трубку у папы стащим...

– Тогда ты одевайся доктором Ватсоном.

Алешка с отвращением покосился на грязный халат Айболита, но призадумался. И пока ничего не сказал.

Значит, опять что-то затеял. И как оказалось позже, это был крутой перелом на данном этапе нашей жизни.

Как только мы вернулись домой, суматошно зазвонил телефон. Так мог звонить только Санек. Вы не поверите, но я всегда различаю телефонные звонки. Вот строго, коротко и деловито звякает аппарат, когда звонит папа и сообщает, что едет домой. Вот озабоченно звучат мамины звонки: из школы пришли, двойки принесли, руки помыли, уроки сделали, за хлебом сходили? А вот наша классная дама звонит ехидно, вкрадчиво: «Вы, конечно, знаете, что ваш Дима прогулял два урока физики и три физкультуры?» Один раз директор позвонил. Грозно, телефон аж прыгал на полочке. Это когда Алешка в его кабинете рыбок в аквариуме накормил. Булочкой из буфета.

Но ничего у него не вышло. У директора, я имею в виду. Когда он сказал, что из-за этой булочки передохли все скалярии и гуппи, мама ледяным тоном ответила:

– Что же за буфет у вас в школе, Семен Петрович, если от ваших булочек даже рыбкидохнут? Вы бы о детях подумали!

Больше он нам домой не звонил. Записочки передавал. То со мной, то с Алешкой. Но почему-то эти записочки до родителей не доходили.

А вот когда Санек звонит – телефон дребезжит заполошно. Потому что у Санька все время что-то случается. Какие-то неприятности. То очень мелкие, то очень крупные. Но это его, как правило, не расстраивает. Это ему интересно. Это наполняет его жизнь эмоциями.

Я снял трубку.

– Димка! – зазвенел радостный, захлебывающийся от счастья голос Санька. – Беги скорей к нам! Нас обворовали! Да так здорово! Все покрали!

Глава V

ЗАГАДКА ЧИСТЫХ СТРАНИЦ

Санек встретил нас у подъезда. Здесь уже стояли милицейские машины с мигалками и без мигалок. Толпились и переговаривались заинтересованные зрители.

– Скорей наверх! – скомандовал Санек.

На третьем этаже лестница была перегорожена полосатой лентой, и возле нее стоял наш участковый и никого на площадку не пускал.

У входной двери в квартиру Санька сидел на корточках какой-то дядька и рассматривал в лупу дверной замок.

– Эксперт-криминалист, – важно шепнул мне Санек. – Я их тут уже всех знаю.

Из квартиры вышел еще один дядька, едва не стукнув эксперта дверью в лоб.

– Следователь, – шепнул Санек.

– Не знаю, что и думать, – сказал эксперт. – Следов взлома нет. Отмычками они не пользовались. По всему видно, что замок отпирали родными ключами.

– Что вы предлагаете? – спросил его следователь.

– Изъять замок, отправить в лабораторию для более глубокого исследования.

– Добро, – сказал следователь и повернулся к участково-

му. – А вы, лейтенант, когда мы здесь закончим, начинайте обход квартир. Опросите жильцов – может, кто-нибудь из них заметил что-нибудь подозрительное. – Тут он сам заметил кое-что подозрительное и поманил Санька пальцем: – Ну-ка, молодой человек, пойдёмте, побеседуем.

Санек поднырнул под ленту и крикнул нам, обернувшись в дверях:

– Я вам вечером все расскажу!

Эксперт достал из своего рабочего чемоданчика отвертки и стал выворачивать замок из двери.

Вечером примчался, как и обещал, Санек и, захлебываясь, размахивая руками, стал рассказывать подробности квартирной кражи.

– Батя вдруг денежки получил! И на радостях купил «компьютер». И как начал меня за него засаживать – тоска! «Учись, – говорит, – Санек. Кусок хлеба тебе будет в старости». А тут прихожу из одного места, отпираю дверь – раз! «Компьютера» нет. Я обрадовался, подумал, батя его продать догадался, чтобы чего-нибудь путное купить. Пошел обедать – бац! Холодильника нет. Все продукты на столе лежат, мясо потекло, пельмени слиплись, а холодильника – нет!

– А чего еще нет? – спросил Алешка.

– Да, всякой ерунды, – отмахнулся Санек. – Вазы всякие пропали, хрустальные. Сервиз...

– На двенадцать персон? – уточнил я. – Девяносто шесть

предметов?

– А я считал? – удивился Санек. – Да его и не жалко. Он весь в трещинах, ему сто лет с лишним. Еще при царе из него жрали. А вот плеер жалко. Но я его потом нашел, под подушкой...

В общем, Санек красочно описал нам и кражу, и ее последствия.

– Мамка то плачет из-за сервиза, то ругается, что менты замок забрали. Дверь теперь на веревочку запираем. Мамка говорит, теперь все остальное скрадут. А чего там красть? Одна мебель осталась. Да и та старая.

– На ней еще при царе спали, да? – спросил Алешка.

– При дедушке, – пояснил Санек. – А меня следователь все выспрашивал: не терял ли я ключи от квартиры? Не отдавал ли их кому-нибудь? А как я их потеряю, если они у меня с первого класса на шее висят!

Это правда, я Санька так и помню: шнурки на кроссовках всегда развязаны, болтаются, а на шее – веревочка с ключом. Его за это целый год Ключником дразнили.

Сейчас на нем ключа не было. Эксперты все ключи забрали вместе с замком в свою криминалистическую лабораторию.

Алешка почему-то очень внимательно слушал Саньку и задал ему неожиданный вопрос:

– Ты кому-нибудь трепался, что твой батя компьютер купил?

– Ага! – обрадовался невесть чему Санек. – Всем! Весь класс знает! Только я не трепался, а жаловался. Я этого компьютера больше, чем Бонифация, боюсь – шибко умный...

– Корзинкина про него знала?

– А она все знает...

– Плотникову говорил?

– Не помню, – задумался на секунду Санек, а потом вспомнил: – А как же!

– А Жучок из шестого «Б»... Ты и ему жаловался?

– А он и без меня узнал. Он ведь в нашем доме живет.

– А твои родители ключи не теряли? – продолжал допрашивать Алешка.

– Не. Они никогда ничего не теряют. Только терпение.

Ну, это понятно. Я тоже с Саньком долго общаться не мог – голову терял.

Тут пришли наши родители, и Санек убежал домой. Карaulить квартиру, запертую на веревочку.

А Лешка опять очень долго о чем-то думал. Наверное, о том, как успеть исправить хотя бы несколько двоек до конца полугодия.

Но я жестоко ошибался.

На следующий день после уроков мы сидели с Алешкой в школьной библиотеке – мне поручили помочь ему с русским языком.

Алешка все еще был задумчив и отвечал невпопад. А по-

том поднял руку и вежливо спросил у меня разрешения выйти из класса.

– Только ненадолго, – сказал я.

– Как получится, – буркнул Алешка.

Вернулся он скоро... с классным журналом под курткой.

– Это еще что такое! – разозлился я, подумав, что все-таки он решил исправить свои двойки самым простым путем. Механическим, так сказать.

– Это, Дим, журнал нашего класса.

– Я вижу. А дальше что?

Алешка положил журнал на парту и стал его листать.

– Понимаешь, Дим, учителя ничего в журналах не нашли. Знаешь, почему? Потому что они совсем не то искали.

– Мыслитель! – разозлился я. – Мудрец! «Яблыки в зад»!

Лешку моя ирония не смутила. Его вообще смутить трудно. Особенно когда он в чем-то уперся.

– Если журналы утащили не для того, чтобы исправить двойки на пятерки, значит?.. – и он требовательно посмотрел на меня, ожидая продолжения.

– Значит... – туповато повторил я. – Значит – наоборот? Пятерки на двойки, что ли? Кому-нибудь во вред.

Алешка так вздохнул в мой адрес, что я даже сам себя пожалел.

– Значит, – терпеливо пояснил Лешка, – совсем для другого.

Ну, это и мне понятно. Например, печки на даче растап-

ливать.

– Но... почему же их тогда вернули?

– Потому! – коротко подытожил мой младший братишка. Надо признать, его реплики иногда бывают очень убедительными. Не смыслом, а эмоциями.

Алешка раскрыл журнал на последней странице, где были выписаны сведения об учениках класса. Ну там домашние адреса, телефоны, родители, их место работы...

– Понял наконец?

На всякий случай я кивнул. Хотя ничего не понял. А признать в этом мне было неловко.

– Тот, кто утащил журналы, получил то, что хотел. И вернул их обратно.

– Ах вот в чем дело! – обрадовался я. И даже лоб нахмурил. – Вот злодей!

Алешка усмехнулся, но не стал меня обижать – все-таки я старший. И польза кое-какая ему от меня бывала. Иногда.

– Он получил информацию! – торжественно изрек Алешка.

– Ка-какую?

– Смотри внимательно.

Я пригляделся и... И увидел возле фамилии одного из учеников карандашную галочку. И еще две или три возле других фамилий. Но эти галочки были почти незаметны, их стерли.

– Смотри еще внимательнее, – приказал Алешка. – На со-

седней странице.

Соседняя страница была чистая. И как я ни разглядывал ее – больше никакой информации не получил. Кроме... Кроме того, что на ней были какие-то следы. Вдавлинки такие. Будто на этой странице лежал листок бумаги и на нем что-то писали. И след от ручки остался на странице журнала.

Вот теперь все стало ясно! Кто-то что-то выписывал из журнала. Сведения какие-то.

– Дим, – сказал Алешка, – помнишь, папа рассказывал, что у них в криминалистике есть такой хитрый прибор. Кладут в него вот такой листок с отпечатками текста и включают какие-то косые лучи. И в них сразу все становится видно...

Помню. Только если мы попросим папу положить на этот экран школьный журнал, то...

И я сказал об этом Алешке.

– Я уже все придумал, – успокоил он меня. – Есть другой способ, попроще. Я у Шерлока Холмса его прочитал. Он там посыпал на такой листок графит, что ли, а потом щеткой погладил. И невидимый текст отпечатался на чистой бумаге. Давай попробуем, а?

Почему бы и нет? Мне эти Лешкины диктанты тоже порядком надоели.

– А где мы этот графит возьмем?

– Копиркой попробуем, какая разница. Только потом – сейчас нужно журнал поскорее вернуть.

– А как же ты его стащил?

– Я его не тащил, – обиделся Алешка. – Я его честно взял.

– И тебе завуч отдала? – не поверил я. – После всей этой истории?

– Ну я же – честно! Сказал, что Любовь Сергеевна меня прислала. За журналом, на минуточку. Вот и все.

Вот и все. И очень «честно».

Прежде чем расстаться с журналом, мы еще раз обследовали его чистую страничку, где чуть заметно отпечатались какие-то слова. Кое-что даже удалось прочесть. Например: «Лесная, 6, кв. 12». И несколько слов мы еще разобрали: «... генерала... пер... просп...» – и несколько цифр.

Сомнений не было. Кто-то старательно выписал из журнала несколько адресов Лешкиных одноклассников. И домашние телефоны.

Но зачем?

– Лесная, 6... Лесная, 6... – бормотал между тем Алешка. И вдруг, бросив взгляд на соседнюю страницу, воскликнул: – Дим! Лесная, 6! Это же Санька адрес.

Вот это да! Какое совпадение!..

А может, не совпадение, задумался я, может, что-то гораздо хуже?

Да, Алешка прав – нужно провести этот следственный эксперимент и постараться прочитать все, что так незримо и загадочно таят в себе чистые страницы классных журналов нашей родной 107-й школы. Иначе она никогда не станет образцовым подразделением.

Глава VI

САНЕК ВИДИТ СНЫ

Трудно быть старшим братом. Особенно если учишься с младшим в одной школе. Мало того что тебя постоянно упрекают за собственные неуспехи в учебе и дисциплине, так еще и за младшего приходится отвечать. Только и слышишь: «Дима, как тебе не стыдно? Алеша опять не выучил таблицу умножения (варианты: получил замечание, не принес деньги на театр и т. д.). Ты как старший брат должен помочь ему в учебе, повлиять на его поведение... Хотя какой ты можешь подать пример, если сам не вылезает из троек и все время забываешь сменную обувь...»

Двойное моральное давление получается. И не всегда справедливое к тому же.

Тем не менее я взялся за Лешку всерьез. И вовсе не потому, что у меня вдруг вспыхнуло в груди чувство долга. Все было проще и честнее: уж очень хотелось получить на Новый год давно обещанный подарок – найти под елкой прекрасное духовое ружье.

Мы каждый день занимались с Алешкой после уроков в школе, потому что дома все время что-нибудь отвлекает: то телик, то телефон, то пылесос.

Алешка, терпеливо побряхтывая, выслушивал мои объяс-

нения, но я чувствовал, что мысли его далеки от «саберали» и «памедор».

Но как-то от наших нудных занятий нас отвлекла внеочередная школьная сенсация. По коридору, то роняя очки, то теряя туфли, промчалась Любаша, восторженно щебеча на полном ходу:

– Потрясающе! Невероятно!

Оказывается, Санек, который даже таблицу умножения знал очень приблизительно (как-то раз он выдал, что шестью шесть – сорок два), вдруг, стоя у доски, решил примитивное уравнение каким-то «элегантным путем».

Любаша сначала остолбенела, а потом стала допытываться у Санька – как ему это удалось? На что Санек откровенно ответил: «Откуда я знаю?»

– Может, ты гениальный? – не выдержала учительница.

– Может, – скромно согласился Санек.

Мы тоже долго пытали Санька. И добились-таки ответа.

Оказывается, некоторое время назад ему позвонил Толян Жучков и передал просьбу Лёвкиной бабушки проводить «деуку» к какому-то народному знахарю-целителю, чтобы вылечить ее от дурной привычки грызть ногти у телевизора. Этот колдун якобы сказал, что грызня ногтей – чисто нервное заболевание, что «девочка, глядя на происходящее на экране, эмоционально возбуждается и волнуется». И что он вылечит Лёвку от дурной привычки за один сеанс гипноза.

Вообще-то бабушка просила Жучкова, но ему оказалось

«вот так вот некогда», и он передал Лёвку Саньку.

Знахарь-целитель врачевал своих пациентов в том самом доме, что стоял на краю оврага в Ведьмином углу. И Лёвка побаивалась идти туда одна. Санек же очень обрадовался, когда узнал, что сможет повидать настоящего колдуна. Он представлял себе его жилище в виде избушки на курьих ножках, с мухоморами на крыше, с черным котом на печке. А сам колдун виделся ему глубоким старцем с седыми волосами до плеч.

Но все оказалось совсем не так. Жилище колдуна – обычная квартира в двухэтажном доме. Без мухоморов и котов. Зато с тараканами. А сам колдун – довольно молодой человек. Правда, все-таки с волосами до плеч. Но не с седыми, а с рыжими, собранными сзади в женский (или конский) хвостик.

В прихожей квартиры стояли несколько стульев, телевизор, чтобы пациенты не скучали в очереди на прием, а на стене висел календарь с загорелыми красотками.

Колдун пригласил Лёвку в комнату, а Санька оставил на стуле в прихожей разглядывать календарь. Потому что телевизор не работал.

Санек, сидя в прихожей, прислушивался к тому, как мужик с хвостом колдует над Лёвкой. И грыз при этом ногти.

– Слышу, – рассказывал Санек, – звучит голос, мягкий такой, плавный: «А теперь – спать, спать, спать... Во сне твои ногти растут, растут, растут... Ты их грызешь, грызешь,

грызешь...» А потом он как гаркнет: «Вот и наелась!» Я даже подскочил. Тут выходит Лёвка – сытая такая, довольная, заспанная. Глазки мутные. Колдун ей и говорит: «Посиди немного, отдохни». И телевизор включил, заработал он. А потом меня спрашивает: «Ну-с, молодой человек, а у вас какие проблемы?»

– Ноу проблем, – ответил Санек. – Только двойки по алгебре.

– Ну, это для нас не проблема. Хочешь, помогу? Прямо сейчас.

– Прямо сейчас у меня денег нет, – отказался Санек.

А колдун ему:

– И не надо. Я тебя даром вылечу. Заходи.

– Ну, я зашел – даром ведь, – продолжил Санек. – Там у него в комнате тоже ничего особенного, никаких колдовских прибамбасов. Только столик стоит, на нем иконки разные, свечи горят. А возле столика – кресло...

Санек, повинуясь жесту колдуна, уселся в это кресло. «И так здорово стало! Тепло, уютно, спокойно».

Колдун поднес к нему горящую свечу и велел пристально смотреть на ее огонек. Скоро Санек стал жмуриться, глаза его сами собой закрылись. Сквозь надвигающийся сон он вначале слышал мягкий голос колдуна («спать, спать, спать...»). Потом его закачали плавные теплые волны и слышался другой голос. Обрывки этих фраз Санек припомнил: «А» в квадрате плюс «В» в квадрате равняется «С» в

квадрате... Скобка, «А» плюс «В», скобка, в квадрате равняется...

...Проснулся Санек почему-то опять в прихожей, свежим и бодрым. Рядом сидела, уставившись в экран телевизора, заспанная Лёвка. Она тоже, судя по ее виду, только что окончательно проснулась и первым делом потянула пальцы в рот. Но тут же вздрогнула, вскинула голову и громко сказала: «Наелась!»

Колдун одобрительно улыбнулся и выпроводил своих юных пациентов за дверь.

Лёвка с той поры ногти не грызла, а Санек на следующий день отличился на уроке алгебры.

– Санек, – вдруг спросил Алешка, – а когда вас обокрали?

– Вот когда я на гипнозе был! Знал бы – не пошел.

– А у этого... гипноза фамилия какая? – не отставал Алешка.

– Эта... Щас, припомню. А! Орликов! Черный могучий маг!

– Может, Орлянский? – машинально уточнил я.

– Точно! Орлянский! Орликов это Витек, из шестого «А».

Честно скажу, я не только ничего не понял из его рассказа, я к тому же Саньку не очень-то и поверил. А вот Лешка слушал его, открыв рот и распахнув глаза. В которых искорками мелькали какие-то догадки.

Но он не спешил ими со мной поделиться. Тем более что в тот же день к этим мутным фактам прибавился еще один. Не

менее мутный. В вестибюле мы застали яростный спор Лёвки с ее бабушкой из Тамбова, которая зашла за своей «деукой», чтобы... отвести ее к колдуну-гипнотизеру.

– Ба, – убеждала Лёвка бабушку, – но я же была уже у него. Он меня вылечил. Наелась я этих ногтей!..

– Как была? – верещала бабушка. – Чтой-то ты врешь, деука!

– Ничего не вру! – вырывалась Лёвка из бабушкиных рук. – Ты же сама просила Жучка меня проводить. Я с Саньком ходила...

– Какого такого Жучка? – испугалась бабушка. – Собака, что ль, такая? Ты гляди у меня! А Санек твой – вообще озорник!

Ничего себе! Оказывается, тамбовская бабушка вовсе не поручала Толяну сопроводить Лёвку. Это была его инициатива. Зачем, спрашивается? Что он, такой добренький, этот завистник? Лёвкины ноготки пожалел, да? И почему он к этому делу именно Санька привлек?

Эти вопросы оставались пока без ответа. Но недолго.

Мы, как обычно, сидели в библиотеке, и я диктовал Лешке отрывок из «Родной речи». Он морщил лоб, хмурился и старательно, прикусив кончик языка, корябал в черновой тетради.

– Все? – спросил я. – Давай проверю.

Я достал красный фломастер и забрал у него тетрадь. В

последнее мгновение Лешка как бы очнулся и сделал попытку удержать ее. Наверное, насажал столько ошибок, что ему стало стыдно перед старшим братом, который вместо того, чтобы исправить свои тройки, помогает ему исправить его двойки.

...Да, ошибки были. И я даже машинально начал их исправлять. Но над первой же фразой моя рука дрогнула, а мои глаза полезли на лоб.

Написанное Алешкой несколько отличалось от диктанта. Как собака от самолета.

Судите сами. Я ничего не изменил. Кроме ошибок, конечно.

«Раз. Кто-то стащил журналы, но двойки не исправил, дурак.

Два. Вместо этого выписал адреса.

Три. Один адрес – Санькин.

Четыре. Санька спал под гипнозом.

Пять. Его квартиру обворовали.

Шесть. Лёвкина бабка ни при чем» .

– Что это? – спросил я.

– Мои мысли, – безмятежно отозвался Алешка. – Здорово, да? Как у Холмса. Логическая цепочка.

– И куда она тянется? – спросил я, чтобы прервать этот дурацкий разговор.

– Она тянется к преступникам! – громко прошептал

Алешка.

– Откуда ты знаешь? – возмутился я.

– Оттуда! – и он гордо постучал себя по лбу.

Вечером к нам пришел наш участковый. Открыв ему дверь, мама немного испугалась, но он сразу ее успокоил:

– Не волнуйтесь, ваши дети еще ничего опять не натворили. Я посоветоваться зашел. К товарищу полковнику.

Наш участковый еще очень молодой и не очень опытный. И как только он узнал, что наш папа полковник милиции, то сразу стал с ним советоваться. И папа всегда ему помогал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.